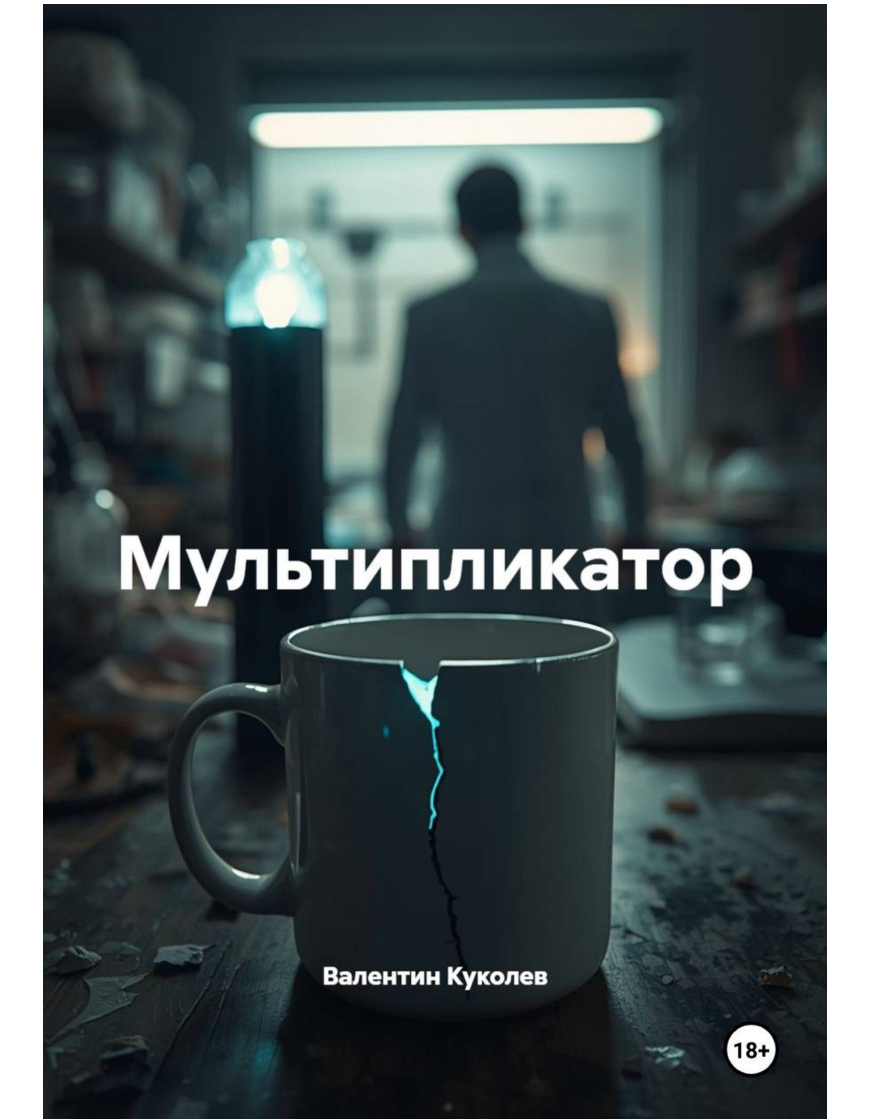

The image is a dark, atmospheric photograph. In the foreground, a white ceramic mug sits on a dark, textured surface. A jagged crack runs vertically down the front of the mug, with a bright blue light emanating from the break. In the background, a person's silhouette is visible, standing in a doorway or hallway. A bright light source, possibly a lamp or window, is visible in the background, creating a strong backlight effect. The overall color palette is dark with blue and white highlights.

Мультипликатор

Валентин Куколев

18+

Валентин Куколев

Мультипликатор

<https://litres.ru/74369693>

SelfPub; 2026

Аннотация

Илья Дёмин — молодой почвовед. Он привык копать землю, фиксировать состав грунта и верить, что всё в мире можно измерить, взвесить и записать. В болотистой зоне под Тунгуской он находит предмет, который не поддаётся никакой спектроскопии: цилиндр, реагирующий не на приборы, а на жизнь.

Выясняется, что цилиндр умеет то, чего не умеет современная медицина: он отделяет больное от здорового, вытягивает болезнь наружу — в виде призрачного, тлеющего двойника — и переписывает то, что сломалось, на уровне клеток. Но у Ильи один прибор, а умирающих — бесконечность. И он начинает составлять список тех, кто важнее. Кого спасти в первую очередь.

«Мультипликатор» — повесть о том, как человек, получивший власть над жизнью и смертью, вдруг обнаруживает, что сам оказался вне жизни. О лаборатории, где гудит неизвестный механизм, и о квартире, где замирают часы. О том, что лечить клетки оказывается проще, чем вернуться домой.

История о выборе, о тишине. И о свете, который не всегда означает спасение.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Валентин Куколев

Мультипликатор

Глава 1

Цилиндр «дышал» — так это называл про себя Илья, хотя прекрасно понимал, что дышать он не может: ни лёгких, ни ритма, ни физики, объясняющей звук. Просто ночью, когда институт затихал и переставали гудеть центрифуги за стеной, откуда-то из-под металла шёл низкий, едва уловимый гул — на пределе слышимости, такой, что его легче было почувствовать зубами, чем ушами.

Три года назад Илья не искал ничего подобного. Он выехал в район Подкаменной Тунгуски по совершенно скучному гранту — изучать, как после серии лесных пожаров и стремительного оттаивания вечной мерзлоты меняется состав почвы в зоне давнего взрыва 1908 года. Официальная версия того взрыва — метеорит, комета, что-то космическое и безобидно объяснимое — устраивала всех уже больше века. Мало кто помнил, что в двадцатых годах в те же места дважды выезжала засекреченная экспедиция, которая привезла из тайги не только образцы грунта: часть найденного тогда классифицировали как обломки неустановленного происхождения, часть — как нефункциональный хлам, год-

ный только для архива, и почти всё это со временем действительно осело в архивах, забытое даже теми, кто его туда положил. Один предмет так и остался в земле — глубже, чем добрались лопаты двадцатых годов, — пока эрозия, пожары и оттаявшая мерзлота не обнажили породу ровно там, где Илья копал свои скучные почвенные шурфы.

Он привёз находку в институт как курьёз, почти не надеясь, что она вообще что-то собой представляет: гладкий тёмный цилиндр размером с предплечье, из материала, который не брал ни один спектрометр в лаборатории. Первые полгода цилиндр простоял без всякого дела на давно не используемой микроволновке в углу лаборатории. Ей досталась роль полки: на ней скопились контейнеры с реактивами, треснувший штатив и пыльная стопка старых методичек, которые никто не решался выбросить. Цилиндр просто добавился к этому натюрморту, ничем не отличаясь от остального хлама, — Илье было жалко его выбрасывать, но и заняться им всерьёз тогда было некогда.

Тем более что было тогда, три года назад, ещё одно, куда более важное дело — Полина, которой в тот год исполнилось восемь, иногда забегала к нему на работу после школы, пока Люба задерживалась на совещаниях, и в один из таких дней, порывшись в рюкзаке, обнаружила там забытый бутерброд и потребовала его разогреть.

— Пап, у тебя тут вообще есть микроволновка?

— Есть, только она давно не микроволновка, а шкаф, —

сказал Илья, не отрываясь от отчёта, но потом всё же встал и принялся расчищать завал на её крышке: сдвинул методички, переставил контейнеры, снял тот самый цилиндр — тогда ещё просто «странный штука с Тунгуски» — и поставил его рядом с микроволновкой, чтобы не мешал.

— Давай ещё чаёк сделаю? А то будешь своё бутерброд хомячить в сухомятку. У меня есть Фортунелла - Гена привёз из Китая.

— Фортунелла? А он на что похож?

— Не знаю. Особый вкус. Немного кисло-сладкий. Тайваньцы добавляют его в чай. Хорошо помогает при ангине.

Бутерброд разогрелся за тридцать секунд, но Полина, вместо того чтобы бежать доедать его за соседний стол, застыла на месте.

— Пап. А твой странный цилиндр должен светиться? Ты его починил?

Цилиндр, стоявший на полу в опасной близости к работающей микроволновке, слабо, но отчётливо мерцал изнутри синеватым светом — там, где раньше не было ничего, кроме глухой, безжизненной черноты материала. Илья обернулся в тот момент, когда таймер микроволновки уже издал звук.

— Да не может быть, — сказал он, присаживаясь рядом. — Он три года никак не реагирует.

— А теперь реагирует. — Полина, ничуть не смутившись авторитетом отца, забрала бутерброд обратно и решительно сунула его в микроволновку ещё на десять секунд — не по-

тому что бутерброд остыл, а из чистого исследовательского азарта, который она явно унаследовала не от матери. — Смотри, пап.

Свечение при повторном включении стало заметно ярче.

— Вот это да! — воскликнул Илья, ещё не до конца понимая, что именно у него на глазах только что произошло.

— Ну, микроволновка же работает. А он рядом с ней всегда так и стоял, просто как хлам. А теперь светится. — Она произнесла это с интонацией человека, для которого причинно-следственная связь очевидна настолько, что не требует дальнейших пояснений.

В этот момент по коридору лаборатории шла Люба, и по тому, как решительно она держала сумку на плече, было видно: пришла не забрать дочь по дороге, а сказать что-то, для чего специально выкроила время в рабочий день.

— Пап, кстати, ты говорил, что починил мои наушники и они лежат где-то у тебя в кладовке. Я могу их уже забрать?

Илья полез в кладовку. В этот момент Люба вошла в лабораторию.

— Илья, — сказала она, остановившись в дверях, — я ухожу.

Илья, зацепившись рукавом за полку, выпалил в ответ, не думая:

— погоди, не уходи, я тебя сейчас провожу.

— Ты не понял, — сказала Люба, и голос её впервые за весь разговор дрогнул. — Я от тебя ухожу.

В этот момент в кладовке с грохотом обрушилась стопка старых коробок, которые Илья задел локтем, и весь конец фразы потонул в этом грохоте — он расслышал только своё имя, но смысл, тот единственный смысл, ради которого Люба вообще пришла в институт в разгар рабочего дня, прошёл мимо него.

Люба ждала ответа несколько секунд. Не дождавшись — ни возражения, ни удивления, ничего, кроме шороха в кладовке, — она молча кивнула сама себе, будто это молчание было красноречивее любых слов, взяла Полину за руку и вышла.

— Ну вот, — сказал Илья, появляясь из кладовки с наушниками на голове, торжествующий и совершенно ни о чём не подозревающий, — нашёл!

Комната была уже пуста. Он хмыкнул, пожал плечами, решив, что Люба, как обычно, не дождалась и увела дочь домой сама, — и, поскольку за окном уже темнело, а цилиндр на микроволновке всё ещё слабо мерцал в полумраке лаборатории, требуя немедленного внимания, эта мысль не задержалась в его голове дольше нескольких секунд.

На улице, уже у машины, Полина спросила:

— Мам, а я тоже развожусь с папой?

Люба посмотрела на дочь сверху вниз, и что-то в её лице на мгновение смягчилось — ровно настолько, чтобы ответ прозвучал не резче, чем следовало.

— Знаешь, взрослые иногда ссорятся. Но я не из тех мам,

которые запрещают дочери видеться с отцом. Ты будешь видеться с ним, когда захочешь, доченька. Просто мне сейчас нужна пауза.

Они тогда не знали, что пауза, как это часто бывает с паузами, которые один из двоих не заметил вовремя, растянется на три года.

Той же ночью, оставшись в лаборатории один, Илья, так и не сумевший до конца осмыслить пустоту, повисшую в квартире, где он теперь бывал всё реже, с головой ушёл в то небольшое, что оставалось безусловно понятным и подконтрольным ему в этот вечер, — в цилиндр. Он поставил его обратно на микроволновку и включил её вхолостую, без всякой еды внутри. Свечение вспыхнуло снова — теперь уже явно, стабильно, безошибочно. Он попробовал СВЧ-генератор из соседней лаборатории, направил луч прямо на цилиндр — свечение усилилось ещё больше, и на боковой грани корпуса, там, где раньше не было ничего, кроме гладкой поверхности, отчётливо проступили три крохотные точки, похожие на светодиоды под слоем тёмного материала. При слабом излучении загоралась одна. При более мощном — вторая. Когда Илья, рискуя спалить проводку всей лаборатории, вывел мощность генератора на максимум, вспыхнула и третья.

Оставалась только одна загадка, и разгадала её, как ни странно, снова Полина — двумя неделями позже. Она снова пришла к Илье на работу. Снова пила чай с Фортунеллой и достала из него косточку.

— Пап, а если её посадить, вырастет?

— В наших широтах — вряд ли, — честно сказал Илья, вертя косточку в пальцах. — Для этого дерева нужен совсем другой климат, другая почва, другая влажность. Оно даже не проращёт, я думаю.

— А давай проверим, — сказала Полина тоном, не терпящим возражений, и Илья, не найдя аргументов против детского упрямства, выделил ей цветочный горшок, немного земли из институтской теплицы — и, за неимением свободного подоконника, поставил горшок на ту же самую многострадальную микроволновку, где по-прежнему обитал цилиндр.

Через три недели, когда о косточке уже почти забыли, из земли неожиданно проклюнулся тонкий, неправдоподобно бодрый росток — там, где, по всем законам ботаники, вообще ничего не должно было взойти. Илья, увидев это, не сразу понял, что чувствует не столько отцовскую гордость за упрямство дочери, сколько что-то куда более тревожное: росток стоял в считанных сантиметрах от цилиндра, который к тому моменту он уже привык считать просто источником непонятного, но безобидного свечения.

Он не был бы учёным, если бы не размотал эту цепочку до конца. Следующие несколько лет превратились в череду вечеров, проведённых за экспериментами, о которых он не рассказывал даже Гене, — сначала на образцах ткани из морга, которые ему привозила давняя подруга — Ольга, с ко-

торой они знакомы ещё со студенческих времён. Потом на культурах клеток, потом на подопытных мышах, которых он выхаживал тайком в дальнем углу лаборатории. Постепенно вырисовывалась картина: цилиндр реагировал не просто на излучение как таковое, а именно на живую материю, помещённую в поле его действия, — и чем точнее удавалось управлять мощностью и частотой этого поля, тем яснее становилось, что перед ним не диковинный сувенир с Тунгуски, а прибор, спроектированный для чего-то куда более конкретного, чем случайное свечение на лабораторной микроволновке.

Полгода назад он наконец рискнул — впервые не на мыши, а на живом человеке, почти вслепую, на голом чутье и грубом черновом контроле, потому что ждать безопасного момента вечно означало никогда не начать. Сработало на его подруге — журналистке Марине. Ночью, доклеив последний контакт на печатной плате, он наконец понял, как управлять цилиндром.

Илья знал, что пайка — не его сильная сторона, и попросил Гену спаять нормальную управляющую плату. Гена пообещал, что сделает это, но не сказал когда. Гена вообще никогда не торопился и предпочитал сделать что-то «завтра», а ещё лучше «послезавтра».

Прошло некоторое время экспериментов. Илья с Геной как всегда допоздна задержались в лаборатории. Гена отдыхал от семьи, а у Ильи семьи толком уже и не было. Сам

Гена почти засыпал на старом кресле в углу, укрывшись лабораторным халатом — не от холода, а из принципа: «У тебя тут, Илюх, какие-то споры на подлокотнике заводятся, я предпочитаю не уточнять, какие». Храпел он ровно, с редкими всхлипами, и за десять лет дружбы Илья научился этого не замечать, как не замечают тиканье часов в собственной квартире.

В тот вечер, глядя на посапывающего на диване Гену и понимая, что «завтра» у него, судя по всему, наступит не раньше следующей недели, Илья решил не ждать больше. Плата, которую он в итоге спаял сам за один вечер из потенциометров, снятых со старого осциллографа, привинченная сбоку к корпусу цилиндра, выглядела так, будто её собирали из того, что нашлось на помойке радиозавода, — потому что именно так, по сути, и было. Работала плата, впрочем, неплохо — но с перебоями по питанию, которые Илья заметил, но решил, что для одного вечера экспериментов сойдёт и так.

Когда Гена спал, в лабораторию вошла Марина. Взгляд был отрешённым. Глаза грустные. Илья, который знал её много лет, почуял неладное.

— Марина, что случилось?

Марина молча присела на короткий диванчик у стены и, посмотрев на Илью чуть дольше обычного, едва слышно произнесла:

— 4-й стадия! — Марина это сказала с прямотой, присущей журналистке, знающей цену словам. — У меня мелано-

ма 4-й стадии. Я до последнего откладывала визит к врачу из-за работы — ты же знаешь какой у меня ритм. Съёмки, репортажи, монтажи.

Илья стоял в шоковом состоянии.

— Сколько?

— Месяц, два... в лучшем случае полгода! — ответила Марина.

У Ильи подкосились ноги. Так буднично Марина произнесла свой приговор. Он присел на диван рядом с Мариной и его взгляд невольно упал на цилиндр. Не успев сообразить, он прокричал: — Так! Ложись!

— Ого, вот прямо так сразу? Может быть вначале сходим на свидание? — колко парировала Марина.

— Нет времени объяснять. Просто ложись и не шевелись. Я к тебе не прикоснусь. — Илья вскочил с дивана и ринулся к цилиндру.

— А может быть стоило бы? — с ухмылкой сказала Марина.

Оба улыбнулись.

— Ну тебе ли не знать, что я — верный пёс! — Ответил Илья. — Я тебя сейчас вылечу!

Марина по привычке поставила на подставку свой телефон и включила запись — Ты не против?

— Хорошо, только это никто не должен увидеть! — сказал Илья.

Марина легла на диван, свесив ноги за подлокотник, т.к.

на нём едва помещалось два не сильно упитанных человека.

Илья включил прибор и поднёс к Марине на расстоянии 25 сантиметров от груди. По началу ничего не происходило. Уже через 30 секунд в комнате начали вибрировать стёкла и стал нарастать какой-то низкочастотный гул. — Я что-то чувствую! Какие-то покалывания! Как мурашки! — сказала Марина.

— Так и должно быть! Главное не шевелиться!

Стёкла в шкафах продолжали мелко дребезжать, гул набирал силу, и Илья, вглядываясь в пространство над Мариной, увидел то, чего никогда прежде не видел ни на одном образце из морга: у неё на груди, чуть выше сердца, кожа вдруг словно приоткрылась изнутри — не физически, а будто под ней зажгли лампу, — и тёмно-багровый свет, густой, как венозная кровь, начал сочиться наружу, поднимаясь над телом медленным, вязким облаком.

— Что происходит? — прошептала Марина, скосив глаза настолько, насколько могла, не двигая головой. — Илья, у меня там что, дым?

— Не дым. Лежи.

Облако продолжало подниматься, и по мере того как оно отделялось от тела, в нём начали проступать очертания — не хаотичные, а подчинённые какой-то внутренней, почти анатомической логике: контур человеческой фигуры, слово в слово повторяющий позу лежащей Марины, только зависший в воздухе сантиметров на двадцать выше, будто у неё

вдруг появился призрачный двойник, состоящий целиком из тлеющих углей. Тёмные пятна на этом двойнике были рассыпаны неровно — крупное, почти чёрное, на месте левой лопатки, там, где Марина месяц назад легкомысленно списала растущую родинку на укус несуществующего комара, и несколько более мелких, разбросанных по контуру плеча и шеи.

— Это я? — тихо спросила Марина, глядя на призрачную фигуру над собой округлившимися глазами. — Это на меня похоже. Это очень на меня похоже, Илья, мне страшно.

— Это не ты. Это то, чем ты больна. — Голос у него самого дрогнул, хотя он изо всех сил старался, чтобы это осталось незаметным. — Форма повторяет тело, потому что клетки, которые сейчас поднимаются, находятся именно там, где ты их носишь.

Он до боли в пальцах вцепился в корпус цилиндра и, найдя вторую отметку на самодельной панели — ту, что была едва процарапана и подписана его же рукой карандашом «режим 2?», с вопросительным знаком, потому что до этой ночи он ни разу не решался проверить, что она делает на живом человеке, — переключил тумблер.

Комната наполнилась новым звуком — высоким, стеклянным, будто кто-то очень медленно провёл мокрым пальцем по краю бокала. Тёмно-багровый оттенок призрачного двойника начал меняться: сперва почти незаметно, потом быстрее, проходя через грязно-розовый, затем через блеклый си-

рневый — к чистому, зимнему, голубоватому свечению, наступавшему на черноту с краёв, как рассвет наступает на ночное небо.

— Мурашки сильнее, — прошептала Марина. — Илья, мне очень щекотно и очень страшно одновременно, это нормально?

— Не знаю, — честно сказал он, и впервые за весь вечер в его голосе прозвучал неприкрытый ужас человека, который в эту секунду понимает, что ставит эксперимент не на культуре клеток, а на живом, дорогом ему человеке, и что второго шанса, если рука дрогнет, у него не будет. — Марина, мне нужно, чтобы ты сейчас не разговаривала и не двигалась вообще. Совсем.

Она послушалась — впервые за вечер промолчала дольше десяти секунд, — и в этой тишине Илья держал цилиндр так неподвижно, как только могли позволить его собственные, предательски дрожащие руки, считая про себя удары сердца, потому что смотреть на часы означало отвести взгляд, а отвести взгляд означало рискнуть всем.

Голубой свет медленно съедал черноту — сантиметр за сантиметром, пятно за пятном. Когда оставалось совсем немного, у левой лопатки, свет вдруг мигнул и на долю секунды просел — самодельная плата коротко всхлипнула перебоем питания, и голубизна на мгновение снова качнулась в сторону тёмно-багрового, будто болезнь ухватила за последний шанс удержаться. Илья похолодел, до боли сжал

корпус цилиндра — свет тут же выровнялся и снова двинулся к голубому, — но то мельчайшее, крохотное пятнышко у самой лопатки, самое дальнее от центра, он, кажется, всё же не успел дочистить до конца, прежде чем призрачная фигура вспыхнула ровным, почти нестерпимо ярким сиянием, будто внутри неё что-то с облегчением выдохнуло, а затем начала медленно, неохотно опускаться обратно — так же плавно, как дым втягивается в трубу при правильной тяге.

Марина вздрогнула всем телом, когда свет коснулся кожи, охнула — и замерла, боясь поверить.

— Ну как? — спросил Илья, опуская наконец руку, онемевшую от долгой неподвижности.

Марина медленно села, ощупывая себя обеими руками — плечо, шею, место под лопаткой, — с недоверием человека, которому только что вернули то, что он уже мысленно похоронил.

— Грудь на месте и это уже хорошо! — тщательно ощупывая себя, произнесла Марина. — Живая, — сказала она тихо, и в следующую секунду расхохоталась — нервно, взхлёб, с той истерической ноткой, что бывает только у людей, только что заглянувших в пропасть и вдруг обнаруживших, что пропасти больше нет. — Живая, чёрт возьми!

— Живая, — повторил Илья, чувствуя, как у него самого подгибаются колени, и опустился на пол рядом с диваном, не в силах больше держаться на ногах.

Марина посмотрела на него сверху вниз — растрёпанно-

го, взмокшего, с трясущимися от напряжения руками, — и вдруг притихла.

— Ты меня спас? — сказала она уже другим голосом, без всякой иронии.

— Кажется, да, но лучше сделай повторные анализы — сказал Илья, и оба ещё долго сидели в темнеющей лаборатории, не в силах произнести ничего более осмысленного. А Гена на своём продавленном диване всё так же ровно похрапывает, абсолютно не подозревая, что в трёх метрах от него только что решилась чья-то судьба.

Марина больше не могла сидеть ни минуты. И хоть она почувствовала физическое облегчение и прилив сил — она тотчас побежала сдавать анализы.

В этот момент проснулся Гена. — Марина только что ушла — сказал Илья.

— И почему ты меня не разбудил?

— Ты так сладко спал... Я это сделал!

— Что ты сделал? — удивился Гена

— Я испробовал наш прибор на Марине.

Гена вскочил с кресла как ошпаренный. — На старом генераторе?

— Ну так новый ты ещё не собрал.

— Вот если бы ты меня разбудил, то я бы тебя очень сильно удивил!

Гена приподнял крышку дивана, на котором происходило лечение Марины и достал прибор — Я его весь день доде-

лывал! Он готов! Просто устал как собака, вот и прилѐг на 10 минуток.

— Ну извини. Уж как есть!

— Ты чокнутый!

— Я знаю. Но это нужно проверить — парировал Илья.

— Знаешь, в чём беда богов, Илюх?

— Не знаю и знать не хочу!

Гена посмотрел на свой телефон. Там было 12 пропущенных звонков от жены. — Мне кранты! — сказал Гена, параллельно набирая номер такси. — Я поехал домой!

— Набери профессору Архипову, я должен ему это показать! Да и он первый в списке. — сказал Илья Гене вдогонку.

— Вот любишь ты всякие списки! Ладно, наберу! Завтра! Пока!

Гена спешно уехал из лаборатории. В половине первого ночи у Ильи зазвонил телефон. Это была Полина.

— Пап, ты спишь?

— Работаю. — Он потёр переносицу. — А ты почему не спишь, у тебя же завтра контрольная.

— Уже сдала. Три дня назад. Ты забыл, я тебе говорила.

Он не помнил разговора. Может, был. Может, не был — три недели слились в один длинный вечер, за который он видел дочь один раз, на пятнадцать минут, в кафе рядом с её школой, и половину этого времени провёл, глядя в телефон.

— Прости, — сказал он. — Как контрольная?

— Нормально. Пап, ты приедешь на выходных?

— Постараюсь.

— Ты так говорил три недели назад.

— В этот раз правда постараюсь.

В трубке было тихо секунды три — достаточно долго, чтобы стало неловко обоим. Илья вдруг вспомнил как лет пять назад, когда Полина ещё боялась темноты, он гасил в её комнате верхний свет, оставлял только настольную лампу и показывал руками тени на стене: заяц шевелит ушами, птица взмахивает крыльями, а под конец — неуклюжий, косолапый волк, который всегда почему-то смешил её больше остальных. «Ещё, — просила она, — ещё немного», — и он показывал, пока лампа не начинала жечь пальцы. Это было единственное время суток, когда он ничего не пытался решить и ничего не пытался спасти — просто стоял между светом и стеной и делал так, чтобы дочери не было страшно.

Он не помнил, когда в последний раз показывал ей тени. Кажется, ещё до Тунгуски.

— Ладно, — сказала Полина. — Спокойной ночи.

Она отключилась первой. Так было всегда.

Он посидел ещё немного, глядя в тёмный экран телефона, потом открыл ноутбук. На экране был документ, который он не показывал никому, даже Гене, — простой список из двенадцати фамилий. Илья включил камеру и начал записывать видеодневник...

— Сегодня 11... не уже 12-е августа. Я составил список — он тщательно выверен. Илья резко замолчал. Сделал неболь-

шую паузу и решил перезаписать другой дубль — Сегодня 12 августа. Мой список составлен по объективным критериям. Илья снова засомневался. — 12 августа на календаре... — затем последовала долгая пауза. Илья не знал как сформулировать. Он просто смотрел в камеру и ждал, что мысли придут в его голову. Но они не приходили. Тогда Илья с нескрываемым раздражением выключил камеру. — Ладно. Позже запишу!

Первым в списке значился профессор Архипов, нейробиолог с рассеянным склерозом, который на глазах у собственных студентов терял способность держать указку. Ниже — врач-инфекционист из области, инженер, разрабатывавший опреснительные установки, школьный учитель физики, чьё имя Илья вычитал в местной газете по совершенно случайному поводу.

В самом низу списка была строчка, зачёркнутая красным: фамилия местного бизнесмена. Рядом с зачёркнутой строчкой стояла его собственная пометка, короткая и уверенная, как будто вопрос был давно решён: «не критично для планеты».

Он смотрел на эту пометку дольше, чем следовало, и в какой-то момент поймал себя на мысли, что не может внятно объяснить самому себе, откуда взялось право писать такие слова. Мысль была неприятная, и он привычно отодвинул её в сторону — так же, как отодвигал в сторону мысли о Любе, о том, что три года назад ушла не потому, что встретила ко-

го-то другого, а потому что он, по её собственным словам, «стал вообще нигде».

Гул под столом, казалось, стал чуть громче. Илья закрыл ноутбук и налил себе чай — в кружку с длинной трещиной, залитой суперклеем ещё год назад. Трещина не расходилась, застыла ровно там, где её оставили, как немой упрёк за то, что руки один раз дрогнули.

Он выпил чай, посмотрел на мерцающий в темноте цилиндр — и подумал, что теперь, наконец, сможет ещё раз попробовать новую, откалиброванную плату не на образцах ткани из морга, а на живом человеке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.